

# ДИСКУРС ВРЕМЕНИ В СОЦРЕАЛИЗМЕ

Марина Балина

Райнард Козеллик пишет в своей книге «Будущее прошлое: О семантике исторического времени», что категория времени сегодня «высвободилась из-под давления категории пространства и стала восприниматься как самостоятельный активный медиум. Время перестало быть простой единицей измерения, оно распространяется на все сферы нашего бытия. Время обновляет старые формы сознания и со все убыстряющимся темпом создает новые экспериментальные конфигурации. Время есть основа современного мира»<sup>1</sup>. Соцреалистическое время не является исключением из правил. В нем, как в кривом зеркале, отражается многообразие темпоральных связей. Направленность соцреализма на утопию не только увеличивает значимость категории времени в нарративных структурах, но и придает времени важную оценочную функцию. В бахтинской пространственно-временной модели — хронотопе — в условиях соцреалистического текста обнаруживается существенный дисбаланс: время доминирует над пространством. Для того, чтобы подчеркнуть значимость времени в пространственно-временной структуре и описать феномен времени соцреализма будет уместным предложить новый термин, *хронотип*, который Джон Бендер и Дейвид Веллберри предлагают как альтернативу для более конкретного описания темпоральных структур.

Описывая различные временные манифестации внутри нарративных структур, Дональд Д. Вилкокс выделяет три основных хронотипа<sup>2</sup>: абсолютное время, объективное время и субъективное время повествования.

Абсолютное время — это время данное; оно не подвержено изменениям изнутри или снаружи, это время абсолютных истин. В тексте художественного произведения это время может быть выражено идеей Бога, судьбы, бытия, человечества. Абсолютное время вечно, это как бы высшее время на временной оси, к нему не приложимы никакие единицы измерения времени.

Объективное время нарратива занимает следующий уровень, это время непосредственно окружающего нас мира, в которое включены конкретные события и обстоятельства, влияющие на повествование. Объективное время служит культурно-историческим фоном повествования, оно обладает своей длительностью, динамикой, насыщенностью/напряженностью.

Субъективное время — это время отдельной жизни героя или героев в повествовании. Оно конструируется непосредственно в процессе повествования и находится под непосредственным влиянием объективного времени, размыкаясь на него и в свою очередь трансформируя объективное время, адаптируя его к условиям жизни героя.

При кажущейся последовательности, перечисленные хронотипы не составляют линейный ряд, но образуют множество разнообразных соединений друг с другом внутри одного текста, создавая, по словам Томаса Лукманна, иллюзию темпоральной множественности, ощущение «нескольких часовых механизмов, идущих одновременно»<sup>3</sup>. Таким образом, время нарратива не может быть сведено к манифестации только одного хронотипа, оно является производным как физического времени (час, день, месяц, год), так и исторического времени (век, эпоха), время отдельного нарратива подвергается влиянию множества социальных структур: семьи, церкви, различных социальных групп.

Все перечисленные выше хронотипы присутствуют в нарративных структурах соцреализма. Субъективное время жизни — это время детства и отрочества, время взросления. Оно выражено в жизни школы, семьи, в мире личных переживаний героев. Манифестация объективного времени выражается в ситуациях, выходящих за пределы одного жизненного опыта. Это жизнь стройки, завода, колхоза, заседание парткома, партсобрание, это время конкретного боя, победы в очередном производственном аврале, покорения гор, осушения пустынь и т. д. Абсолютное время представлено в соцреализме в первую очередь временем Москвы. Существующий с первых дней советской власти, этот хронотип был окончательно закреплен в процессе распространения радиовещания, а позднее телевидения, по всей стране. Советский Союз действительно начинает существовать по Лукманну — во множественной темпоральности: удаленное от центра население всегда информируется вначале о московском времени, и лишь затем называется местное время.

Время Москвы точно локализовано: это время Кремля, «бой часов на башне Спасской» начинает и заканчивает день советского человека. Манифестацией абсолютного времени становится вечно освещенное окно сталинского кабинета, мавзолей Ленина, красное знамя революции. Они не горят в огне и не тонут в воде, о них слагаются легенды. Ленинский памятник из города Пушкин, отправленный немцами в годы Второй Мировой войны в Айзенах в Германию на переплавку, мистически «выживает» и возвращается домой в разрушенный Пушкин встречать воинов-победителей, чтобы затем вновь вернуться уже в ГДР в обмен на памятник Тельману. Атрибуты абсолютного времени вечны и неизменны, даже если природа самих этих атрибутов сопротивляется вечности: шалаш Ленина в Разливе просто в силу естественных условий каждый год покрывается новым сеном, а каркас его обновлен бесчисленное количество раз, но вся страна предпочитает находиться в упрямом заговоре, игнорируя естественный ход вещей. Незатухающий вечный огонь с Марсова поля становится символом абсолютного времени революции и путешествует из города в город, и даже за рубеж. Ленинский чайник, «синяя тетрадь», Гори, Шушенское, ленинские кабинеты в Смольном и Кремле, броневик, паровоз номер 17, привезший Ленина на Финляндский вокзал, перестают существовать в объективном времени реальности и переходят в абсолютное время власти.

Абсолютное время постоянно присутствует внутри объективного хронотипа. Оно представлено ленинской фотографией со знаменитым прищуром глаз на стене в кабинете любого ответственного работника районного или республиканского масштаба. Это время, помещенное на транспарантах, смотрит на советского человека со стен старинных особняков и свешивается красным флагом со стропил новостроек. Абсолютное время присутствует в постановлениях и директивах правительства, которые призваны контролировать и изменять объективное время.

Соцреалистический нарратив сохраняет темпоральную множественность в текстах, но сама иерархическая природа соцреализма не позволяет нарративным хронотипам вступать в свободные связи. Соцреализм предлагает нам свою особую иерархию внутри временных структур. Нарративные модели, существующие вне ограничений соцреализма, дают нам примеры самой разнообразной динамики в сочетании хронотипов: субъективный хронотип может быть напрямую соединен с абсолютным (агиография), на примере исторического романа мы можем наблюдать связь между объективным и субъективным хронотипом. Соцреалистический нарратив знает лишь одну возможную модель — жесткую иерархическую последовательность темпоральных структур. К. Кларк отмечает, что с начала 1930-х годов происходит существенная переориентация в интерпретации реальности: от горизонтального, недифференцированного подхода к строго иерархическому, вертикальному<sup>4</sup>. Этот вывод распространяется и на темпоральный аспект соцреализма.

Субъективный опыт соцреалистического героя не ограничивается сферой личного переживания, это всегда установка на типическое (т.е. «объективное»). О героях «Как закалялась сталь» читаем: «И при всем индивидуальном своеобразии каждого из них (героев) они образуют один ряд, рисуют одно лицо первого поколения нашей молодежи»<sup>5</sup>. Таким образом, время личной жизни есть одновременно и время общей жизни, положительный герой в соцреализме всегда член «большой семьи» (Кларк), а замкнутость и установка на «мелкое, буржуазное» счастье становится ведущей характеристикой отрицательного героя, или выступает как один из недостатков, которые соцреалистический герой должен преодолеть.

Показательным примером «растворения» субъективного времени жизни и поглощения его объективным временем является роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», где один из главных героев, американский инженер, попав на стройку в Среднюю Азию, «порывает» со своим «буржуазным прошлым», чтобы стать строителем нового общества. Нарративные конструкции, в которых ведущим темпоральным принципом становится размыкание субъективного хронотопа единичной жизни и поглощение его более широким объективным хронотипом, доминируют в романах Л. Леонова «Дорога на океан», А. Толстого «Хождение по мукам», Н. Никитина «Это началось в Коканде», А. Малышкина «Люди из захолустья». Этот временной сдвиг становится определяющим в литературе соцреализма.

Ведущей темой литературы 1930-х годов становится стройка (М. Шагинян «Гидроцентральный», Л. Леонов «Соть», В. Катаев «Время, вперед!», Ф. Гладков «Энергия»), которая является манифестацией объективного хронотипа. Сама темпоральность стройки призвана разрушить субъективный хронотип отдельной жизни, она лишает эту жизнь стабильности, при которой можно позволить себе сконцентрироваться на единичном переживании: «Шум и грохот машин врывается в тихую обитель, лязг железа заглушает задумчивый перезвон колоколов, первобытная, полная своеобразной прелести глушь и дичь оказывается однажды разбуженной скрипом телег и громкими голосами возбужденной рабочей толпы. Тревожно и ветрено стало на сотинских берегах»<sup>6</sup>.

Объективный хронотип становится важным измерением отдельной человеческой жизни в произведениях соцреализма, посвященных «перековке» (Г. Грекова «О счастье», Е. Новикова-Вашенцева «Маринкина жизнь», А. Макаренко «Педагогическая поэма»). Здесь именно момент подавления субъективного и ощущения себя «колесиком и винтиком» общего процесса позволяет героям пройти через сказочную метаморфозу. Этот временной сдвиг лежит в основе книг ударников 1930-х годов и всей горьковской серии «История фабрик и заводов» на ранних этапах ее существования. Так, например, вышедшая в 1930 году книга рабочего АМО А. Салова «Рождение цеха» возникает на базе его дневниковых записей, которые автор ведет с 1924 года. Постепенно производственное/объективное время вытесняет из дневника все личное/субъективное, в результате чего, по утверждению самого автора, «рождается книга»<sup>7</sup>. Но подменяя собой субъективное время человеческой жизни, объективный хронотип сам становится его жертвой. Все кажущееся многообразие манифестаций этого хронотипа оказывается подчиненным главному темпоральному конструкту соцреализма — абсолютному времени. Абсолютное время становится основным хронотипом соцреалистического нарратива. Оно подчиняет, а иногда и полностью заменяет собой субъективное и объективное время.

Показательна в этом смысле история создания серии «История фабрик и заводов», которая началась в рамках краеведческого движения «на местах». С. В. Журавлев в своей книге «Феномен “Истории фабрик и заводов”» приводит обширные данные о работе разного рода краеведческих объединений по собиранию «документов и воспоминаний ветеранов» в двадцатые годы. В работу этих краеведческих организаций были включены как ученые — А. Введенский, Е. Тарле, С. Пла-

тонов — так и рабочие различных предприятий. Собирая и восстанавливая по материалам личных воспоминаний историю предприятий (к таким работам относится книга Макса Гордона «Материалы к истории рабочих Обуховского завода», вышедшая в 1923 году, а также статьи краеведческого общества «Старый Петербург-новый Ленинград»), авторы действительно интересовались *историей рабочих*. Субъективный хромотип отдельных воспоминаний складывался в объективный хромотип рабочей истории.

Краеведческое движение двадцатых годов еще не являлось монополией партии, но уже начиная с 1928 года работа по написанию истории отдельных предприятий постепенно перерастает в создание *партийной* истории этих предприятий. Начиная с 1928 года Центральное краеведческое бюро монополизировало работу отдельных краеведческих организаций на заводах, обращаясь в августе 1928 года совместно с ВСНХ с призывом организовать конкурс на лучшее «монографическое» описание фабрики и завода. Прошедшая в 1930 году IX Всероссийская краеведческая конференция вырабатывает организационный устав для заводских краеведческих кружков и определяет направление, по которому пойдет сбор исторического материала. Еще в ноябре 1930 года рабкоры завода «Красный пролетарий» обязуются собрать для своей истории 25 автобиографий, 50 воспоминаний, опросить 30 старых заводских семей<sup>8</sup>. Это еще установка на субъективный хромотип, на время отдельной жизни. Но призыв рабочих-ударников в литературу 1930 года и последующее «массовое производство» (за период 1929—1931 гг. рабочими-ударниками было написано и опубликовано около 700 книг и брошюр) снимают эффект единичного, субъективного. Этот автобиографический конвейер организуется на основе объективного хромотопа жизни всего завода. Субъективное время отдельной жизни сначала вытесняется объективным временем революционных перемен, а затем уже это объективное время «вычищается» по канонам инструкции «Как писать Историю фабрик и заводов», выпущенной главной редакцией этого издательства в 1932 году. Абсолютизация объективного времени завершается письмом М. Горького от 7 сентября 1931 года, напечатанном в «Правде» и в «Известиях», с призывом придать работе над историей фабрик и заводов массовый характер, и постановлением ЦК партии от 10 октября 1931 года «Об издании Истории заводов», и организацией группы «Новое в рабочем классе», за чем последовали многие другие мероприятия, инициированные местным и центральным руководством<sup>9</sup>.

Процесс замены объективного времени абсолютным наглядно демонстрирует стенограмма обсуждения глав из «Истории Путиловского завода» от 20 февраля 1933. Участники обсуждения — члены Леноблредакции ИФЗ приходят к следующему выводу: «Надо все-таки отталкиваться не от источников, а как надо показать». А «надо показать» следующее: «меньшевизм как буржуазное влияние в рабочем классе», «необходимо особенно противопоставить меньшевиков и большевиков, Плеханова и Ленина», «мало о черносотенцах, о роли Зиновьева», «нет ленинского положения о накоплении сил в годы реакции» и т. д.<sup>10</sup> Включение этих необходимых атрибутов завершит разрушение объективного хромотипа и утвердит абсолютное нарративное время.

Абсолютное время создает своеобразный этикет советской культуры. Д. Лихачев отмечает, что в культуре эпохи феодализма «взаимоотношения людей между собой и их отношения к Богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека»<sup>11</sup>. Абсолютное время соцреализма представляет собой именно такой набор элементов этикета, контролирующий объективное время и через него проникающий в субъективное время нарратива. Замечательной характеристикой абсолютного времени становится его повторяемость и воспроизводимость. Если субъективное время от-

дельной жизни неповторимо и единично, если объективное время реальности постоянно изменяется, так как оно должно отражать конкретный момент в истории, то абсолютное время постоянно и неизменно: и десятилетие, и пятидесятилетие Октябрьской революции отмечаются театрализованным повторением одного и того же события — залпа «Авроры» и штурма Зимнего. Этикетной формой выражения абсолютного времени становятся военные парады и демонстрации трудящихся. Этикетная статика абсолютного времени настолько закреплена в культуре соцреализма, что она не может быть нарушена никаким событием из сферы объективного времени.

Описывая феодальный этикет в общественной жизни, Д. Лихачев говорит о том, что «склонность к этикету из общественной жизни проникает в искусство»<sup>12</sup>. Этикету подчиняются изображения святых в живописи, события из жизни святых, события священной истории. Литературный этикет вырабатывает свои нормативные формулы, которые выходят за рамки жанра. Так, например, житийные формулы встречаются и вне жития, а формулы, свойственные военной повести, могут присутствовать в ораторских произведениях и посланиях. Таким образом, эти формулы, закреплённые литературным этикетом, становятся не только манифестацией абсолютного времени, но и способом контроля, языком власти, закрепощающим динамичные по своей природе хронотипы объективного и субъективного времени. Эта строго иерархическая темпоральная композиция внутри литературного произведения особенно ясно может быть увидена на материале автобиографии (биографии) в литературе соцреализма.

Естественной формой темпоральности для классической автобиографии был субъективный хронотип. Жизнь описывали с момента ее начала, иногда захватывая период до рождения автобиографа, через обращение к истории семьи, рода, предков (А. Пушкин «Моя родословная», И. Дмитриев «Взгляд на мою жизнь», Г. Державин «Записки», А. Фет «Ранние годы моей жизни»). Переломным моментом при переходе от субъективного хронотипа к объективному в классической автобиографии становится разрыв с детством: герой покидает дом и родных и отправляется на учебу в город. Конкретное событие может рассматриваться на разных уровнях. Так, Г. Винокур рассматривает события истории и биографии как находящиеся в постоянном переплетении друг с другом: в «историю личной жизни входят решительно все события, совершающиеся в рамках того социального целого, членом которого является герой биографии». С точки зрения Винокура, «смерть Наполеона есть столько же факт политической истории Европы, сколько факт личной жизни Пушкина, а уничтожение крепостной зависимости в 1861 году столько же факт классовой борьбы в России, сколько событие в личной жизни Тургенева или Герцена»<sup>13</sup>. И субъективный, и объективный хронотип периодически апеллируют к абсолютному времени — Богу, вечности, устанавливая через манифестацию этого хронотипа зависимость между отдельной человеческой жизнью и Божественным промыслом, значимостью отдельных событий в истории и вечностью.

Автобиография соцреализма наполняет эти хронотипы качественно иным содержанием. Субъективный хронотип всегда негативен. Автобиограф либо совсем лишен семейных радостей, либо радость «счастливого детства» оказывается отравленной каким-либо событием из сферы объективного времени. Так, К. Чуковский во время переезда его семьи с одной квартиры на другую узнает, что он незаконнорожденный. Детские воспоминания Л. Никулина начинаются арестом дяди: «...ярко светит керосиновая лампа, по комнате ходят усатые великаны в голубых мундирах, гремят саблями, роются в сундуках, перебирают белье». Самым ярким детским воспоминанием В. Саянова стали похороны ленских рабочих в 1912 году — событие, явно принадлежащее объективному хронотипу, а следующее предложение уже торопится ввести в повествование абсолютное время: «Как известно, с ленского расстрела начинается стремительный подъем рабочего движения, при-

ведший через пять лет к Великому Октябрю»<sup>14</sup>.

Маркером перехода от субъективного времени отдельной жизни к объективно-му времени истории в автобиографиях соцреализма становится обида. Выломанный из фуражки герб (Чуковский «Серебряный герб»), скорбные глаза бабки, выданной когда-то насильно замуж (Сурков), «резкое столкновение отца с тогдашним министром Боголеповым» (Шагинян), прекращение помощи «богатых теток» (Тренев) — все эти события субъективной жизни заставляют автобиографов задуматься, но почему-то не о своей жизни, а о жизни «всего трудового народа», о всемирной несправедливости, о неравноправии, о «приниженности крестьянского и рабочего населения». Жалуясь на пережитую ей в молодые годы нужду, М. Шагинян делает следующий вывод: «...эта обстановка, роднившая меня с теми, кто, как и я, каждый день работал для насущного хлеба, создавала *здоровое противоядие всякому утонченному декадентству*». Так текст личной жизни вписывается в контекст абсолютного времени власти, успевшей уже вынести приговор «утонченному декадентству». Абсолютное время контролирует отбор событий, отражающих объективное время, и полностью подчиняет себе субъективное время отдельной жизни. А. Белецкий, начавший свою автобиографию в стиле «Багрова-внука», спохватывается и спешит заверить читателя (и издателя): «У меня не было определенной политической программы, но я вырос в отвращении к самодержавию, ненависти к “новому времени”, в неуважении к начальству». Абсолютный хронотип соцреализма уникален уже самим своим *отсутствием присутствия*. В некоторых автобиографиях он материализуется в конкретных его носителях — представителях власти, огосударственных героев. Здесь особенно показательны биографии представителей «малых народов»: Такташа Хади, Яна Судрабкална, Ираклия Абашидзе, Кави Наджми, Миршакара. В этих автобиографиях с первых же страниц на читателя обрушиваются знаки абсолютного хронотипа: фигуры Ленина и Сталина, Горького, цитаты из Конституции, Октябрьская революция, освобождение от «белого террора», «ленинская идея коммунистических субботников». Но наиболее распространенной становится модель, преобладающая в сборниках писательских автобиографий конца пятидесятых, когда прямые атрибуты абсолютного времени отсутствуют, но весь нарратив подчинен идее этого времени, которая становится элементом самоцензуры, особенно когда речь идет о собственных колебаниях. Так, автобиография А. Упита является вполне сбалансированным нарративом, совмещающим как субъективный, так и объективный хронотип. Автор пишет о своей жизни в буржуазной Латвии и в Латвии советской без особого нажима на идеологические различия, но в своем примечании к автобиографии он торопится оговориться и объяснить это недоразумение тем, что этот текст — перевод с латышского, и вслед за этим насыщает текст до отказа составными абсолютного времени: «биограф — бывший заведующий Отделом искусства Наркомпроса Советской Латвии», выпустивший «большую книгу о пролетарской литературе», имеющий «в своем словаре такие привычные названия, как Октябрь, революция, социализм, коммунизм».

Элизабет Брусс предлагает рассматривать автобиографию как форму нарратива, в основе которой находятся два центра: автор-рассказчик, который ответственен за структуру повествования, и автор-герой, который является непосредственным объектом этого повествования<sup>15</sup>. Таким образом, если автор-рассказчик находится за пределами текста и оперирует в объективном времени, то автор-герой существует в субъективном хронотипе. Соцреалистический автобиографический нарратив предполагает существование третьего центра — идеального «советского человека», который является конструктом абсолютного времени. Это «настоящий человек», обладающий «конкретными» достоинствами, диктуемыми ему этикетом абсолютного времени: он честен и искренен, самокритичен, непримирим к врагам (как Дзержинский), скромнен и добр к детям (как Ленин), интернационалист (как

Сталин), он всей душой за мир, но его «бронепоезд стоит на запасном пути». Даже не являясь членом партии, «человек советский» — все равно «беспартийный большевик». Этот конструкт определяет основную ценность автобиографического жанра в соцреализме, которая заключается в том, чтобы всеми средствами сократить дистанцию между собой как объектом повествования и соцреалистическим идеалом.

С этой целью автор-рассказчик сознательно модифицирует объективный хронотип, постоянно включая в реальные события элементы абсолютного времени. Так, рассказывая о жизни азербайджанского села, Сулейман Рагимов пишет о начале своей «литературной карьеры», когда его, полуграмотного, берут на работу писарем в канцелярию ревкома: «Сначала мне было очень трудно. Но я не хотел отказаться от мысли стать писарем и аккуратно прочитывал все попадавшиеся мне книги и брошюры. Как мне хотелось прочитать Ленина! Смотря на его портрет, я часто испытывал это желание». Н. Тихонов, рассказывая о своем приходе в поэзию, приходит к выводу, что его, «как и многих поэтов нашего времени ... сделала поэтом Октябрьская революция». Она «открыла мне глаза на мир и воспитала во мне чувство великого интернационалиста». Автобиография А. Афиногенова открывается словами: «В годы Октябрьской революции...», а собственно автобиографическая информация просто помещена в сноску. Вл. Луговской, описывая литературную среду, характеризует писателей, начавших свой творческий путь еще до революции, как «писателей старшего поколения, как бы заново рожденных Октябрем». Такой «раздробленный» временной ряд показывает, что в литературе соцреализма внутри жанра автобиографии происходит смещение в сторону приоритета внеличных ценностей. Частное в человеческой жизни отодвигается на задний план, уступая место ценностям, измеряемым по шкале абсолютного времени власти. Об этом прямо заявляют составители сборника «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», вышедшего в Москве в 1959 году. Они с гордостью отмечают, что в их сборнике впервые публикуются автобиографии Галимджана Ибрагимова и Линарда Лайцена, но это не просто какие-то тексты, в которых авторы рассказывают о своей жизни. Это автобиографии, «касающиеся прежде всего революционной деятельности этих писателей и их работы в партии»<sup>16</sup>. Подменяя собой объективное время реальности, абсолютный хронотип последовательно вытесняет субъективное время, разрушая уникальность и неповторимость отдельной человеческой жизни.

Доминанта абсолютного времени в соцреалистическом нарративе приводит к тому, что стираются грани между своей и чужой жизнью, автор-рассказчик обращается одинаково как с фактами своего личного опыта, так и историей жизни другого. Б. Брайтнина и Е. Никитина, составители сборника «Советские писатели», предлагают рассматривать сборники автобиографий «крупнейших советских писателей» как «историю литературы в художественных новеллах»<sup>17</sup>. Из этого напрашивается вывод: жизнь (в данном случае писательская) пишет документальную историю, но эта история на самом деле состоит из фикций, «художественных новелл», поскольку она создается под давлением абсолютного хронотипа. В свою очередь, абсолютный хронотип соцреалистического нарратива одинаково равнодушен к достоверности как автобиографического, так и биографического факта. К. Кларк пишет об особом качестве советской литературы тридцатых годов, в которой «стираются различия между художественным вымыслом и фактом»<sup>18</sup>. Жанр «научно-художественной биографии» повторяет в соцреализме ту же жесткую иерархическую темпоральную структуру, что и автобиография.

Г. Винокур указывал: «В биографических сочинениях, в исторических воспоминаниях и преданиях встречаются подчас характеристики, в которых признаки, говорящие о данной личности как собственно человеку, как бы выделяются из общей сферы ее культурного бытия и противоплагаются обычным формам куль-

турного действия. Он мало сделал, но много жил — таков распространенный, но не единственный мотив этого рода<sup>19</sup>. Биографический нарратив соцреализма строится по обратной модели: он мало жил, но много сделал. И хотя в этом первом постулате Винокур расходился с биографами соцреализма, его «Биография и культура» формирует основной теоретический каркас биографического жанра, его этикет. Исследователь предлагал следующее:

1. Рассматривать биографию как продукт эпохи или истории, подвергнуть ее (биографию) «суду морали».

2. Оценивать биографию с точки зрения не эстетического, а какого-либо практического идеала.

3. Биография должна иметь идею, и задача биографа заключается в том, чтобы эту идею раскрыть. Собственно, биография и «пишется с этой целью»<sup>20</sup>.

Такой подход к биографическому жанру перекликается с древней традицией. Анализируя особенности биографического и автобиографического времени, М. Бахтин выделяет античность как период формирования автобиографических и биографических жанровых форм. В этот период складывается одна из наиболее распространенных автобиографических (биографических) форм — риторическая автобиография (биография). Бахтин пишет, что «эти классические формы автобиографий и биографий не были произведениями литературно-книжного жанра, отрешенными от конкретного *общественно-политического события их публикации*. Напротив, они всецело определялись этим событием, они были словесными *гражданско-политическими* актами публичного прославления или публичного самоотчета реальных людей»<sup>21</sup>. Для риторической автобиографии (биографии) внутренние (субъективные) временно-пространственные связи не имеют значения, здесь доминирует «внешний реальный хронотоп»<sup>22</sup>, временным компонентом которого является объективное время. В образе человека в риторической автобиографии (биографии) «не было и *не могло быть* ничего интимно-приватного, секретно-личного, повернутого к себе самому, принципиально одинокого. Человек здесь открыт во все стороны, он весь вовне, в нем нет ничего «для себя одного», нет ничего, что не подлежало бы публично-государственному *контролю и отчету*»<sup>23</sup>. В основе авто/биографического нарратива соцреализма лежит та же идея публично-государственной подотчетности, при этом в функции контролера выступает абсолютное время власти.

Интерес к биографии в советской литературе начинается задолго до признания соцреализма основным методом советской литературы. В 1926 году в Москве выходит сборник «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков» под редакцией В. Лидина. Выходящий с 1929 года журнал «Наши достижения» постоянно публикует на своих страницах документальные очерки, воспоминания, автобиографии, показывающие «формирование нового советского человека». Но помимо идеологических задач, интерес к истории конкретной человеческой жизни был вызван еще и ощущением собственной «выброшенности» из истории. Так, О. Мандельштам, описывая это состояние, говорит о том что люди оказываются «выброшенными из своих биографий, как шары из бильярдных луз». Для того, чтобы «человеку без биографии» восстановить свою связь с историей, ему в первую очередь необходимо разобраться с историей собственной, историей своей жизни. Возвращаясь к детству, к воспоминаниям о том, что было *до* момента разрыва с историей, человек таким образом восстанавливает разорванную линейную цепь событий. Интерес к биографиям великих людей объясняется интересом такого же свойства, но в то же время — это и попытка предсказать, что произойдет с человеческой судьбой дальше. Биографический интерес вызывают в первую очередь люди, находящиеся в конфликте со своей историей. Начатая в 1933 году горьковская серия «Жизнь замечательных людей» опирается именно на биографии такого рода — Петра I, Радищева<sup>24</sup>.

Д. Лихачев объясняет обращение к «своей античности» в русской литературе Предвозрождения и Возрождения «появлением историчности сознания»<sup>25</sup>. Знаменитое письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в октябре 1931 года о «неудовлетворительном состоянии дел на историческом фронте» было требованием покончить с субъективным ощущением «выброшенности» из истории, а заодно и с объективным ее отображением. Новое историческое сознание должно было быть сформировано на основе «аксиом большевизма». Если, следуя логике Лихачева, объяснять «повышенный интерес к эпохе национальной независимости» появлением исторического сознания<sup>26</sup>, то необычайную популярность биографического жизнеописания в сталинской культуре можно объяснить целенаправленной кампанией за создание «собственной античности». Отсчет этой «античности» начинается с момента разрыва с прошлой историей — началом революционной борьбы.

ЖЗЛ не была единственным изданием, посвященным созданию «научно-художественной» биографии. Биографии деятелей революции печатались в самых разнообразных издательствах. Но независимо от того, где они опубликованы или кем написаны, все эти нарративы объединяет общий подход в описании времени отдельной жизни — это доминанта абсолютного времени, подчиняющего себе как субъективный, так и объективный хронотип. Как и в риторической биографии античности, так и в основе «научно-художественных» биографий соцреализма лежит «энкомион» — гражданская надгробная и поминальная речь. Некролог в его письменной или устной (а позднее записанной) форме становится настолько естественной частью жизнеописания, что по значимости ставится в один ряд с автобиографией. Возникает как бы новая серия — ЖПС: Жизнь После Смерти. Такой «своеобразный» хронологический ряд еще раз демонстрирует установку на абсолютное время жизни «человека советского» — абстрактного конструкта власти, субъективный опыт жизни которого отбирается, искажается, подчищается в зависимости от давления власти на объективный ход событий. Форма надгробной речи выбрана не случайно, она позволяет начать рассказ не с момента начала жизни, а с момента ее конца, ее завершенности. Интересным примером такой интерпретации жанра является биография Я. Свердлова, выпущенная в 1939 году. Эта биография написана женой Свердлова, Новгородцевой, которая была не только свидетелем, но и участником этой жизни. Тем не менее, жизнь эта показана не «в ее революционном развитии», а скорее в статической смене заставок-иллюстраций сталинского «Краткого курса».

Биография начинается речью Ленина на экстренном заседании ВЦИК в 1919 году, посвященном памяти Свердлова. С первой фразы индивидуальная жизнь помещается в контекст истории: «Товарищи, в день, когда рабочие всего мира чествуют героический подъем парижской Коммуны и ее трагический конец, нам приходится хоронить Я. М. Свердлова». Объективное время реального факта — смерти соратника по борьбе — вызывает не естественное чувство скорби, а скорее чувство досады: все занято чествованием, а он отвлекает от революционных празднеств, нехорошо умер, не вовремя. Субъективное время здесь просто не в счет, а объективный хронотип поглощается временем абсолютным, в задачу которого входит построение типа — «пламенного революционера». В арсенале Свердлова — борца за революцию следующие качества: решительная и беспощадная расправа с эксплуататорами и врагами трудового народа, талант организатора, связь с массами, практическая школа нелегальной революционной борьбы, преданность революции. Отсылка к субъективному опыту отдельной жизни заключена в одном предложении-монстре:

«...перед нами тов. Свердлов как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера — человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком

и беззаветно отдался революции и долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закалили революционеров на долгие и долгие годы».

Статья Сталина 1924 года в журнале «Пролетарская революция», посвященная памяти Свердлова, представляет собой странный симбиоз объективного и абсолютного хронотипов. Это, с одной стороны, время власти (абсолютное время), с другой стороны — это время *новой* власти (объективное время), но это время новой власти, торопящейся утвердить себя как абсолютный хронотип. В этой статье нет ни одного упоминания о существовании субъективного времени жизни. Свердлов — вождь-организатор, его работа в партии — «закономерность», и вообще его «породила партия»<sup>27</sup>.

Перед нами законченная биографическая модель, построенная по законам нового биографического этикета. Собственно биография, следующая за этими «энкомионами», есть лишь иллюстрация, внутри нарративной структуры которой личность лишь «сохраняет свое значение «центральной оси»<sup>28</sup>, по которой абсолютный хронотип распределяет события объективной истории. Незначительные вариации этой модели можно наблюдать на примере биографий Щорса, Фрунзе, Дзержинского<sup>29</sup>.

Жесткая иерархическая структура в построении темпоральности в соцреализме не лишена, однако, внутренней динамики. Постоянно корректируется абсолютный хронотип — голос власти, заменяются его ориентиры. В свою очередь, субъективный хронотип стремится «отвоевать» себе больше территории. В зависимости от конкретного исторического момента вступает в конфликт с субъективным и абсолютным временем объективный хронотип. Но все-таки это «бурление» внутри одной жесткой структуры, живущей по законам инерционных систем. И сегодня, когда соцреализм отошел в область истории литературы, проблема заполнения места абсолютного времени остается одной из наиболее актуальных социальных проблем.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Reinhard Kosellik*. Future Past: On the Semantics of Historic Time. (Transl. by Keith Tribe). Cambridge, Mass., 1985. P. 8.

2 *Donald J. Wilcox*. The Measure of Time Past. Chicago, 1987. P. 24.

3 *Thomas Luckman*. The Constitution of Human Life in Time // The Construction of Time: Chronotypes. (Ed. by John Bender and David Wellberry). Stanford, 1991. P. 154.

4 *Katerina Clark*. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1981. S. 136.

5 История русской советской литературы: В 4 т. Т. 2 (1929—1941). М., 1960. С. 204.

6 *Леонов Л. М.* Соть // *Леонов Л. М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1953. С. 299.

7 *Журавлев С. В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. С. 25.

8 *Июкар Л.* Живые традиции («История фабрик и заводов») // Вопросы литературы. 1957. № 7. С. 115-125.

9 См.: *А. М. Горький* и создание «Истории фабрик и заводов». Собрание документальных материалов / Сост. Л. М. Зак и С. С. Зимица. М., 1959. С. 26.

10 *Журавлев С. В.* Указ. соч. С. 38.

11 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 95.

12 Там же. С. 95.

13 *Г. Винокур*. Биография и культура. М., 1927. С. 27.

14 См.: *Лидин В.* Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1926; Советские писатели. Автобиографии. В 2-х т. / Сост. Б. Я. Брайнина

и Е.Ф. Никитина. М., 1959.

15 *Elizabeth W. Bruss*. Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre. Baltimore and London, 1985. P. 10.

16 Советские писатели. Автобиографии. В 2-х т. Т. 1. С. 3.

17 Там же.

18 *Katerina Clark*. The Soviet Novel. P. 146.

19 *Г. Винокур*. Указ. соч. С. 7.

20 Там же. С. 8, 41.

21 *М. М. Бахтин* Работы 1920-х — 1930-х годов. Киев, 1994. С. 168.

22 Там же.

23 Там же. С. 169.

24 См.: *Б. Евгеньев*. Радищев. (ЖЗЛ). М., 1949.

25 *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 113.

26 Там же. С. 114.

27 См.: *К. Т. Свердлова (Новгородцева)*. Яков Михайлович Свердлов. М., 1939.

28 *Г. Винокур*. Указ. соч. С. 9.

29 См.: *С. Борисов*. Фрунзе. (ЖЗЛ). М., 1940; *Е. Герасимов, М. Эрлих*. Николай Александрович Щорс. М., 1937; *Ф. Кон*. Дзержинский — нестигаемый боец за дело партии Ленина-Сталина. М., 1945.